

УДК 27-36(47)

ЛИЧНОСТЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО СКВОЗЬ МНОГОВЕКОВУЮ МИФОЛОГИЮ

Ефимов В.Ф., Никольский Е.В.

В статье анализируются традиционные представления о личности и делах святого князя Александра Невского. При анализе вопроса о причинах канонизации правителя отмечается, что ее основанием стал предсмертный покаянный подвиг монарха. Высказывается авторское мнение о том, как почитание святого монарха может трансформироваться в обоснование имперских идеологем.

Ключевые слова: Александр Невский, царственная святость, мифология, идеология, язычество, православие, католицизм.

THE PERSONALITY OF ALEXANDER NEVSKY SHOWN THROUGH THE CENTURIES-LONG MYTHOLOGY

Efimov V.F., Nikolsky E.V.

The article analyses the traditional views and deeds of the Holy Prince Alexander Nevsky. Analysis of canonization reasons of the ruler shows that it was the monarch's confession during terminal hours. The author's opinion expresses about how the veneration of the Holy monarch can be transformed into a justification for Imperial ideologemes.

Keywords: Alexander Nevsky, the Royal Holiness, mythology, ideology, paganism, Orthodoxy, Catholicism.

Причисление к лику святых князя Александра Невского произошло в середине XVI веке (в период соборов 1547 и 1549 годов). Канонизация благоверного князя мотивировалась, прежде всего, многочисленными свидетельствами о чудесах и народной любовью, и только потом было обращено внимание на такие аспекты проблемы, как заслуги перед Отечеством

и Церковью, что свидетельствует об отсутствии политических мотивов этой канонизации.

Чудотворения, происходившие непосредственно перед канонизацией Александра Невского, перечислены в его житии, составленном иноками Михаилом и Василием. Написанию «Жития св. Александра» предшествовало первое жизнеописание великого князя его дружиной. Дружинная повесть о «мужестве и житии святого Александра» не сохранилась, но известно, что она представляла собой княжескую биографию, соединяющую в себе черты жития и воинской повести. Рукописная история первоначальной редакции жития связана со «Словом о погибели Русской земли». После собора 1547 года (т.е. уже после канонизации святого) по поручению митрополита Макария было написано новое житие князя, одна из редакций которого вошла в состав большой энциклопедии середины XVI века – 12-томных Четьих-Миней. Последовавшие затем многочисленные исцеления от мощей князя стали основанием для всероссийского почитания Александра Невского.

Одним из наиболее зримых проявлений этого почитания святого князя стало перенесение его мощей из Владимира в Петербург, состоявшееся в августе-сентябре 1723 года. Эта идея возникла в период правления Петра I, который заблаговременно позаботился о возведении нового Александро-Невского монастыря. По преданию, царь сам указал место его строительства. Александро-Невская обитель была призвана стать духовным центром новой столицы, что и случилось в дальнейшем, когда по указу императора Павла I в 1797 года монастырь получил статус Лавры – третьей по счету после Троице-Сергиевой и Киево-Печерской.

С тех пор наиболее почитаемым на Руси из святых князей стал Александр Невский. Ниже мы проанализируем специфику его культа и отметим, что образ святого изображается в мифологическом аспекте и очень часто политизируется.

Одной из первых и наиболее значимых мифологем является вопрос о национальности князя Александра. Согласно наиболее распространенному представлению благоверный князь – этический русский, точнее славянин. На

самом деле это далеко не так. Его отец, Ярослав Всеволодович, князь Владимирский, судя по его изображению с фрески около 1246 года, сделанному его современниками, имел явно неславянскую внешность. Возможно потому, что его мать была осетинкой. Отец Ярослава Всеволодовича, соответственно дед Александра, Всеволод Большое Гнездо – Владимирский князь, а его супруга княгиня Мария Шварновна – осетинская княжна. Познакомились дед и бабка Александра Невского по отцовой линии в Грузии. Так что, отец нашего героя – наполовину осетин. Идем дальше, кем же была мать Александра Невского? А была она дочерью Мстислава Мстиславовича Удалогого, и звали её Ростислава Мстиславовна. Ее мать, т.е. вторая бабка Александра Невского, дочь половецкого хана Котяна Сутоевича, которую на Руси окрестили с именем Мария. Таким образом, одна бабка Александра Невского является осетинкой, а вторая – вторая половчанкой.

О деятельности святого Александра Невского известно весьма много. Одной из основных заслуг Александра Ярославича по известной нам всем биографии является т.н. «отражение католической агрессии против Руси». Речь идет о т.н. папском «крестовом походе на Русь». Этой идеи придерживались и придерживаются многие русские историки. Хотя, здесь, стоило бы говорить скорее о походе против Новгорода и Пскова, поскольку разговор идет именно об этих городах, а не обо всей Руси.

Логика исторической гипотезы о «крестовом походе католиков на Русь» проста (даже чересчур упрощена на наш взгляд). Известно о столкновениях новгородцев и псковичей с немецкими и прибалтийскими купцами, основной причиной которых являлись торгово-экономические противоречия. Большая часть этих купцов была католиками, а католики, как известно, подчиняются Римскому Папе. И вывод напрашивается сам собой – любые столкновения католиков с новгородцами и псковичами есть часть широко задуманного Католической Церковью и лично Папой Римским Крестового похода против Руси. Но, как ни красива эта гипотеза, документального подтверждения она не имеет. Никаких булл или других документов об объявлении крестового похода

ни против Руси в целом, ни против Новгорода или Пскова, историками не найдено [2].

Объявление похода на Русь вообще звучало бы странно, поскольку никакой единой Руси на тот момент не существовало. Русь находилась в состоянии феодальной раздробленности, а большая ее часть была завоевана татарами. Отношения с русскими княжествами у западных государств и у Святого Престола складывались по-разному. В некоторых буллах довольно позднего времени иногда говорится о борьбе с русскими, но всегда имеются в виду те русские, которые воевали на стороне язычников (например, литовцев) или татар, а не какое-либо из русских княжеств в целом. Даже один из самых последовательных сторонников рассматриваемой гипотезы И.П. Шаскольский в своей работе «Папская курия – главный организатор крестоносной агрессии 1240-1242 гг. против Руси» вынужден был признать, что «в действительности, от этого времени не дошло ни одного источника, где открыто говорилось бы о роли папского престола в подготовке походов на Русь 1240-1242 гг. и содержался бы открытый призыв к нападению на русские земли» [5, с. 45].

Но вернемся к Александру Невскому. Обычно при анализе его жития акцент делается на первое двадцатилетие его правления, на победы в Невской и Чудской битвах. Однако международное значение этих сражений не было столь решающим: в XIII столетии, вопреки распространенной в России с позапрошлого века мифологии, феодально-расчлененная Европа вовсе не думала о захвате, порабощении и окатоличивании русских земель. К тому же уровень дорог, численность населения и войска, специфика инфраструктуры и вооружения делали такие замыслы совсем фантастическими. Приходится признать, что мнение, будто бы Невская битва, захват ливонцами Изборска и Пскова, а также битва на Чудском озере имели религиозный характер, и были частями масштабного плана по захвату и окатоличиванию Руси, разработанному Римской курией, всего лишь очередной миф, из числа тех, которых, к сожалению, немало в исторической науке.

Основным источником сведений современных россиян о святом князе, верой и правдой посмертно «послужившего» советской власти, стал известный историко-биографический фильм «Александре Невский», снятый в конце 1930-х годов, когда возникла острая необходимость сформировать очередной образ врага в лице Запада. Для этих целей история в очередной раз стала «политикой, обращенной в прошлое» и была использована для формирования мифов, на сей раз национал-патриотических и социалистических.

В фильме речь идет о том, как под началом князя Александра русские воины одержали в 1242 году победу в битве (пограничной стычке) с ливонскими рыцарями на Чудском озере. Актер Алексей Черкасов устами своего героя Александра Невского навсегда определил политику России по отношению к внешним захватчикам: «А если кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет. На том стояла, и стоять будет русская земля!» Несмотря на позитивный нравственный пафос, фильм получился откровенно антиисторическим и в духе своего времени пропагандистским.

Переоценка места и роли Ледового побоища в истории Руси – России произошла в XX веке. И связана эта переоценка была не с новейшими научными исследованиями, а с изменением политической обстановки. Своеобразным сигналом к пересмотру значения этого события стала публикация в 1937 году в 12-м номере журнала «Знамя» литературного киносценария П.А. Павленко и С.М. Эйзенштейна «Русь», центральное место в котором и заняло Ледовое побоище. Уже название будущего фильма, на современный взгляд вполне нейтральное, тогда звучало большой новостью. Власть от «риторики» всемирного интернационала возвращалась к риторике сугубо национально-патриотической.

Сценарий вызвал довольно жесткую критику со стороны профессиональных историков (они, кстати, не оставили без внимания и его художественные «достоинства»). Отношение к фильму было по выходе в прессе сценария, а потом на экранах самого точно определено заглавием рецензии известного советского историка М.Н. Тихомирова: «Издевка над

историей». Позже она была включена в его книгу «Древняя Русь» [3, с. 375-380].

Впоследствии святость Александра Невского даже в церковных кругах и проповедях стала, к сожалению, трактоваться преимущественно как следствие его военных подвигов. На современное (как светское, так и церковное) представление об Александре Невском повлияла советская пропаганда, говорившая исключительно о его военных заслугах. Как дипломат, строивший отношения с Европой и Ордой, и уж тем более как монах и святой, он был для советской власти совершенно неуместен. Потому и уже упомянутый фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» рассказывает не обо всей жизни князя, а лишь об эпизоде на Чудском озере. Пропаганда породила расхожий стереотип, будто к лику святых князь Александр был причислен за свои военные заслуги, а сама святость стала чем-то вроде «награды» от Церкви.

Подобный же подход определил и некоторые, развиваемые в духе национал-патриотизма методические наработки по школьному курсу «Основы Православной культуры». Вот как предлагают ставить вопрос о князе Александре на уроке по этому предмету: «Немного найдется в мировой истории молодых талантливых полководцев, подобных и равных в своих подвигах русскому князю Александру Невскому. Ведь он являлся не только выдающимся полководцем, в 19-летнем возрасте, одержавшем 2 великие победы, но и мудрым политиком. Прослушайте видеолекцию и ответьте на вопрос: Какие два подвига совершил великий полководец?» [6].

Детям следует отвечать: «Победа над западными крестоносцами за сохранение православной веры на Руси и смирение перед Востоком (Золотой Ордой) ради единства и целостности Руси» [6].

Встает вопрос: а в чем же отличия Александра Ярославича от советских полководцев, одержавших более значительные победы в ходе Великой Отечественной войны? Оно в том, что советские военачальники преимущественно были либо атеистами, либо как Г.К. Жуков, носителями стихийной, паракристианской (недогматизированной) религиозности, или

уклонялись в оккультизм. Соответственно, о благочестии и святости здесь речи идти не может.

По словам богослова Георгия Чистякова: «Св. Александр Невский, которого при Сталине любили изображать в виде грозного воина (см. известную картину Павла Корина) и чуть ли не в латах западного образца, не после Чудского озера и Ледового побоища был признан Церковью святым. Он, гордый воин, привыкший любой спор решать при помощи оружия, меняет кольчугу полководца на плащ дипломата и, отводя от русских городов и селений новую войну, путем весьма унижительных с точки зрения Средневековья переговоров миром улаживает отношения с Батыем. Не воином, но князем-иноком в монашеской мантии, преподобным Алексием запомнил его православный народ. И только при Петре I начинают изображать святого князя на иконах в воинском одеянии, сделав из преподобного что-то вроде российского Марса, православного бога войны, поклонение которому связано с культом оружия и т.д. Увы, это чистой воды язычество, православное только по форме. Кошунство...» [4, с. 63].

И этот образ «православного бога войны» в лице Невского начал формироваться в петровской России, завершившись уже в Советском Союзе. Однако для древнерусского восприятия было гораздо важнее второе двадцатилетие жизни святого Александра, когда возмужавший князь проявлял деятельную заботу о подданных, заключал договоры с Востоком и Западом. Отношение с католиками, вопреки расхожему мнению, у благоверного князя складывались довольно хорошо. Так, в 1248 году папа Иннокентий IV писал Александру Невскому, поздравляя его с тем, что он «весьма благочестиво просил о присоединении к главе сей (т.е. римской – *Е.Н.*) церкви, как член, с истинной покорностью и решил в знак сей покорности построить в городе Пскове латинский собор»; папа посылает к нему легата [7, р.46].

А в конце жизни, отравленный в Орде, святой монарх оставляет власть и удаляется в монастырь для покаяния. Этот поступок считали самым важным в жизни Невского, ставшим основанием для канонизации князя Александра в

лике преподобных и благоверных. Малоизвестен в России и факт причисления Александра Невского к лику святых в Католической Церкви Папой Евгением IV по просьбе русской делегации на Ферраро-Флорентийском Соборе вместе с Сергием Радонежским, Михаилом и Федором Черниговскими.

Сегодня подлинный облик святого князя Александра скрыт от нас многими слоями мифологии, изначально славянофильской, затем евразийской, а потом и социалистической и постмодернистской (см. фильм нулевых годов «Александр: Невская битва»).

Обычно официальные биографии князя игнорируют темные аспекты его жизни. Одним из таковых является эпизод с Неврюевой ратью. Из исторических источников известно, что Картаг Неврюй был полководцем золотоордынского правителя Сартака, а в IV Новгородской летописи Неврюй даже назван царевичем. В 1252 году по просьбе Александра Невского он был послан Сартаком, как соправителем Батыя, против брата и соперника Александра, великого князя владимирского Андрея Ярославича, который не по старшинству получил великокняжеский стол.

По данным некоторых летописей, «Неврюева рать» перешла Клязьму под Владимиром, но не задержалась в столице. Неврюй догнал и разбил Андрея под Переяславлем, заставив его бежать в Новгород, а затем в Швецию. Неврюй разграбил и сжег Переяславль и много деревень. В Орду было введено «без числа» людей, лошадей и скота. Это было первое после нашествия Батыя появление на Северо-Восточной Руси крупных монголо-татарских воинских сил, и Александр Невский был к этому причастен.

В отношениях Александра Невского с его братом князем Андреем существует много неясности. Есть точка зрения, согласно которой Александр жаловался хану на своего брата и просил отправить вооруженный отряд для того, чтобы с ним расправиться. Однако данный факт не упоминается ни в одном древнем источнике. Первый раз об этом сообщил только В.Н. Татищев в своей «Истории Российской», и есть все основания полагать, что автор здесь увлекся исторической реконструкцией – «додумал» то, чего на самом деле не

было. Так считал, в частности, Н.М. Карамзин: «По вымыслу же Татищева, Александр донес Хану, что меньший его брат Андрей, присвоив себе Великое Княжение, обманывает Монголов, дает им только часть дани и проч.» [1, с. 201 (прим. 88)].

В связи с ордынской политикой Александра Невского и отношением с братом встает резонный вопрос, а как такой человек мог быть канонизирован? В этой связи отметим, что принимая решение о канонизации того или иного человека, Церковь учитывает такие факторы, как молитвенное почитание народом и совершаемые по этим молитвам чудеса. И то, и другое во множестве имело и имеет место в связи с Александром Невским. Что же касается ошибок, совершаемых таким человеком в жизни, или даже его грехов, то нужно помнить, что «несть человек, иже жив будет и не согрешит». Грехи искупаются покаянием и скорбями. И то, и особенно другое присутствовало в жизни благоверного князя, как присутствовало и в жизни таких, ставших святыми грешников, как Мария Египетская, Моисей Мурин и многие другие.

Главный подвиг знаменитого князя заключался не в победах над врагами, а в победе над собственными слабостями и грехами, в подвиге покаяния и в заботе о своих поданных. Неслучайно в допетровской Руси Александра Невского изображали не в одежде князя, а в облачении схимника.

Как и любой православный святой, благоверный князь (не только Александр Невский) – вовсе не идеальный безгрешный человек, однако это в первую очередь правитель, руководствовавшийся в своей жизни, прежде всего, высшими христианскими добродетелями, в том числе милосердием и человеколюбием, а не жаждой власти и не корыстью. Вопреки распространенному мнению, что Церковь канонизировала в лике благоверных практически всех правителей Средневековья, прославлены были лишь немногие из них. Так, среди русских святых княжеского происхождения большинство прославлены в лике святых за свою мученическую смерть ради ближних и ради сохранения христианской веры.

В таком контексте отметим, что святость порою трактуется как непогрешимость в делах веры и социальной деятельности, которыми, даже по католическому вероучению, не обладает и сам Папа Римский. Обычно направление политики того или иного канонизированного монарха, вполне уместные в то время, когда он жил и служил Богу и людям, трактуется как явление извечное, определённое раз и навсегда. Святому монарху приписывается несвойственный ему профетизм.

Факторы, прежде всего моральные и духовные, по которым государь действовал именно таким образом, не учитываются, зато в качестве подражания берутся внешние аспекты его политической (или геополитической деятельности). Обычно из многогранной политики Невского выбирается только ордынский вектор, князя Александра противопоставляют «упертому западнику» Даниилу Галицкому. Вполне обычна для современной парарасправославной и евразийской публицистики канонизация его восточной политики, которая объявляется ориентиром и для наших современников. О западной политике князя и его королевских амбициях обычно умалчивают, чаще стихийно, чем намеренно.

Путь же святого Александра Невского ко Христу через все тернии его сложной жизни, к сожалению, закрыт от восприятия современных россиян. Нашим современникам не всегда видны основные добродетели князя, приведшие его к святости: мудрость, жертвенная любовь, забота о поданных, глубокая вера, покаяние.

Данный пример показывает то, как почитание святого монарха может трансформироваться в обоснование великодержавных идеологием и мифологием. Но случай с Невским, к сожалению, не единичный, хотя и показательный. Оставив за скобками аналогичные прецеденты из истории других христианских стран, отметим определяющую тенденцию: политическая деятельность святого монарха вырывается из контекста его эпохи, его аксиологии и становится идеологическим фетишем, с одной стороны, а с другой, обоснованием для оправдания конъюнктуры, ксенофобии, изоляционизма, внешней агрессии, а

порой и аморализма в целом. В такой ситуации о Христе и подлинной духовности не упоминают.

Список литературы:

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4.
2. Назарова Е. Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе, М., 1999.
3. Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.
4. Чистяков Г. Война глазами христианина. Опыт православного осмысления войны // Размышления с Евангелием в руках. М., 1997.
5. Шаскольский И.П. Папская курия – главный организатор крестоносной агрессии 1240-1242 гг. против Руси // Исторические записки. М., 1951. № 37.
6. Урок православной культуры на тему Святые благоверные князья Святители и Преподобные [Электронный ресурс] // Социальная сеть работников образования nsportal.ru [сайт]. 01.11.2012. URL: <https://goo.gl/wkhEUd> (дата обращения: 10.10.2014).
7. Theiner A. *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae*. Rome, 1860.

Сведения об авторах:

Ефимов Владимир Федорович – доктор педагогических наук, профессор Московского государственного областного гуманитарного института (Орехово-Зуево, Россия).

Никольский Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, Ученый секретарь Научно-экспертного совета Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the authors:

Efimov Vladimir Fedorovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Moscow State Regional Institute of Humanities (Orekhovo-Zuevo, Russia).

Nikolsky Evgeny Vladimirovich – Candidate of Philological Sciences,
Scientific Secretary of Scientific expert Council, Institute of Modern Humanitarian
Researches (Moscow, Russia).

E-mail: efimprof53-1953@km.ru.

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru.